

Кельтский скорбец

В Москве выступил ирландский певец Ирла О'Леонард

Москвичи вспоминают, что есть на свете такая страна Ирландия, только раз в год — на день святого Патрика, когда все бездельники столицы отправляются на Новый Арбат — глядеть на карнавал, пить виски в «Ирландском доме» и, при хороших раскладах, танцевать не известные этнографам танцы с московскими ирландцами. Певец Ирла О'Леонард привез в столицу другую Ирландию — эпическую, раздольную и печальную донельзя.

Алексей МУНИПОВ

Ирла поет песни, которым лет триста как минимум. Ветхие колыбельные, баллады о несчастной любви и все в том же роде — отменно длинные, величественные и невеселые. Искусству тянуть гласные так, чтоб они на лету превращались в гимны, он учился у знаменитого фольклориста и композитора Шоно О'Риада, основателя самой популярной ирландской фолк-группы The Chieftains. Ирла родился в совершенной глубинке, начал петь в раннем детстве и нынче считается лучшим современным исполнителем стиля «шэн-нос» («старый путь» по-кельтски), даже носит титул «Хранитель песен». В мире же Ирла более всего известен как вокалист модной этно-команды Afro-Celt Sound System (волынки, тамтамы и передовые технологии) — их второй альбом даже номинировался на «Грэмми» в разделе «World Music».

Свой первый и самый впечатляющий московский концерт Ирла дал в помещении англиканской церкви Св. Андрея, что напротив Консерватории. И вот представьте себе эти сумрачные своды, стрельчатые окна, запах свечек, темноту, и в темноте — яркий экран с размытыми фотографиями крестов, долин, перелесков, бегущих девочек, камней, озер, перебранных рук, морщин, лунных скважин, холодных волн, всей этой холодной викторианской пустоши — нормальный такой ирландский пикториализм. А рядом, в осторожном круге света, стоит человек в черном, невысокий певец с красивым профилем, похожий разом на иллюзиониста Дэвида Копперфилда и актера Владимира Басова, пьет из бутылки, дует на руки, жмет на кнопки ноутбука, который управляет сложной мультимедийной механикой, и поет мерцающие песни без конца и без края, а капелла и в сопровождении такой же тихой, вкрадчивой, величественной электроники:

с маршевыми барабанами, сэмплированными волюнками, скрипками и басами неземного происхождения. Кланяется, чуть волнуется и думает, может быть, о том, что через пару часов ему надо быть в эфире «Серебряного дождя», чтобы петь дуэтом с какой-то бурятской певицей, а завтра — в культурном центре «Дом» давать джем-сейшн с Сергеем Старостиним, которого ему рекомендовали как самого продвинутого российского фольклориста, а в субботу еще петь в клубе «Китайский летчик» с алтайским исполнителем Болотом Байрышевым и так далее, и так далее. А заодно найти время и для корреспондента «Известий».

— Ирландский фольклор вапши стараниями породнился с африканскими тамтамами, русским песенками, алтайским горловым пением. Откуда эта страсть к совместному творчеству?

— Тут вся прелесть в том, что никогда не знаешь, что получится. Важно только ничего не ожидать заранее, все равно по-другому выйдет. Главная задача — донести до слушателя послание, «месседж».

— Какого рода?

— А это от слушателя зависит. Я стараюсь, чтобы слушателя уносило в другие миры — не в мой мир, нет, я же не рок-музыкант, а в тот мир, который они сами себе придумывают. Музыка, которой я занимаюсь, очень многозначная — это не так, как в опере, где каждая эмоция заявлена максимально четко: вот вам радость! вот трагедия! И русским эта многозначность, мне кажется, должна быть близка: вы же очень глубокие, понимающие люди. Интеллектуальность, классическую музыку, написанную русским композитором, можно узнать по десятисекундному отрывку. Есть в ней какая-то волшебная, чарующая мгла, которая меня просто с ума сводит. Я сегодня ходил по улицам Москвы, этаким восхищенный турист, и меня поразило, насколько здесь все другое по ощущениям. А я много где

Известия - 2000 - 24000 - с 8

Певец Ирла О'Леонард привез в Москву эпическую и печальную Ирландию

был, поверьте. К людям на улицах проникаешься не сочувствием, нет, но уважением. Здесь есть жизнь, настоящая, та жизнь, которой нет в Европе. У нас все притворяется, что вокруг — сплошное счастье-счастье. А ведь ни черта подобного! Вот ты сядешь со мной в самолет и полетишь, скажем, в Мюнхен, ты там этой жизни настоящей не увидишь, нет. В Лондоне — да, кое-где еще пробирается. В самых опасных районах, если ты понимаешь, о чем я.

— Альбом «Афро-кельтов» номинировался на «Грэмми» в разделе «World Music». Что для вас этот термин?

— Термин — он и есть термин. Его придумали люди, которые полагали, что неанглоязычная музыка вообще не имеет права на существование, что нет в мире ничего, кроме рок-н-ролла и попсы. А потом из этого правила появилось слишком много исключений, вот они и ввели новый термин, чтобы продавцам в магазине легче было. Для меня «World Music» — это когда я ребенком сижу в своей ирландской провинции и слушаю приемник. Иранское радио, московское...

— В то время петь по-ирландски еще не было модным?

— О, нет, конечно. Это потом, в середине девяностых, пошла мо-

да на ирландский фольклор, и мне начали говорить: «Вау, ты поешь «шэн-нос»? Круто!». Но когда я начинал этим заниматься, на меня смотрели как на придурка. Это считалось пыльной ерундой.

— Ну, сейчас-то ирландская музыка отлично продается.

— Конечно, они сделали ее мейнстримом. Шоу-бизнес — очень мощный инструмент, можно продать черта лысого. Но то, что большинство музыкантов делают с ирландской традицией, мне кажется чудовищным: весь этот фолк-рок, баллады, радиоформат... Я на эту гадость натыкаюсь с восьмидесятых и просто ее ненавижу. Епуа и им подобные выбрали самый легкий путь: взять американскую прилизанную попсу, чуть ее разукрасить — и вперед! Мне было интереснее поработать с новым звуком, с электроникой, эмбиентом, хотя никто не мог поручиться, что из этого выйдет что-нибудь путное.

— Отчего ваша программа настолько печальная? Не думал, что в ирландском фольклоре так много безрадостных песен.

— Меня на концертах все время спрашивают: «Эй, а когда будет что-нибудь веселое? Вот не будет. Тягучие, медленные композиции — в них больше мяса, понимаешь? Это самая живая плоть. В ней есть

вызов и есть красота. Это же песни угнетенных, подавленных людей.

— Насколько я помню, Ирландия сейчас занимает первое место в Европе по объему инвестиций...

— А люди все равно спят на улицах, понимаешь? Ну да, у нас сейчас низкий уровень безработицы, но этим проблемы не исчерпываются. Не забывай, что совсем недавно, еще в восьмидесятых, Ирландия была жутко депрессивным местом — чудовищная инфляция, работы нет. И, кстати, я думаю, что местные музыканты, та же группа U2, очень много сделали для того, чтобы страна поднялась: на них смотрели люди и думали — вау, я тоже могу быть успешным!

— Вы говорили, что Ирландия — это такая большая деревня, где все всех знают. Это действительно так?

— Маленькая страна, конечно. Волей-неволей на всех натыкаешься — я знаю Боно из U2, даже учил его дочку петь, и я записывался с Шинейд О'Коннор... Боно прекрасный человек, он такой идеальный ирландский артист.

— В каком смысле?

— Ну, нетрудно заметить, что ирландцам не очень хорошо удаются визуальные искусства, в отличие от вербальных. Литература, поэзия — вот наш конек. У Боно как раз очень поэтичная музыка, к тому же он прекрасный лирик, у него отличные тексты. Кроме того, ирландцы, хоть и много путешествуют, но, увы, мало чему учатся. Копируют, но не то, что надо бы копировать, а всякую ерунду. У Боно и с этим все в порядке.

— А Шинейд — она действительно такая жесткая и тяжелая в общении, как о ней говорят?

— Шинейд — удивительная личность. Многие думают, что Шинейд просто делает все, чтобы привлечь внимание, но это было бы слишком просто, хоть такой вывод и напрашивается — все эти эпатажные выходы... Она, в общем, тоже типичная ирландка, я бы даже сказал, что она аккумулирует в себе самые мрачные национальные черты, и в этом, конечно, ее проблема. Но в личном общении она совершенно прелестна, а как музыкант... Знаешь, я был поражен, когда понял, что ничему не могу ее научить, — я, носитель древних традиций! — а она, наоборот, очень многому может научить меня. В этом ее уникальность.

24.10.2000.

О'Леонард Ирла